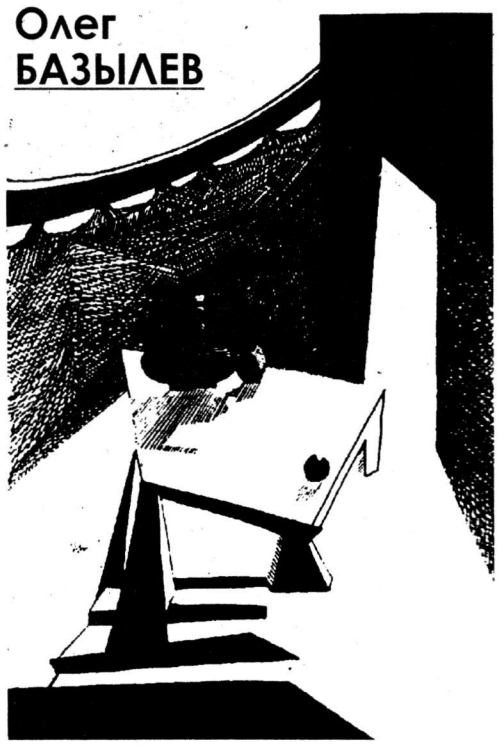
Олег
БАЗЫЛЕВ

«О вечном и лучшем унылые споры...»

Олег Базылев — человек многогранный. Член Союза художников России, поэт, мастер спорта по альпинизму, фотомастер... На одном из «чистых четвергов» в городской картинной галерее он поведал собравшимся о красоте гор, показал свои художественные работы и прочитал прекрасные стихи, которые мы сегодня и предлагаем читателям нашей газеты.

А. ПАВЛОВ.



* * *

Вот сон. На заката черте
Чернеет креста перекладина,
И умерший Бог на кресте,
И Богу бессмертье не дадено.

И слезы упали с небес,
И небо устало вращаться,
И глас был: «Вот это твой крест»,
И я не посмел отказаться.

И названным братом во сне
Из вечности злого зловония
Тянулся Иуда ко мне,
Нелепо запутавшись в молниях.

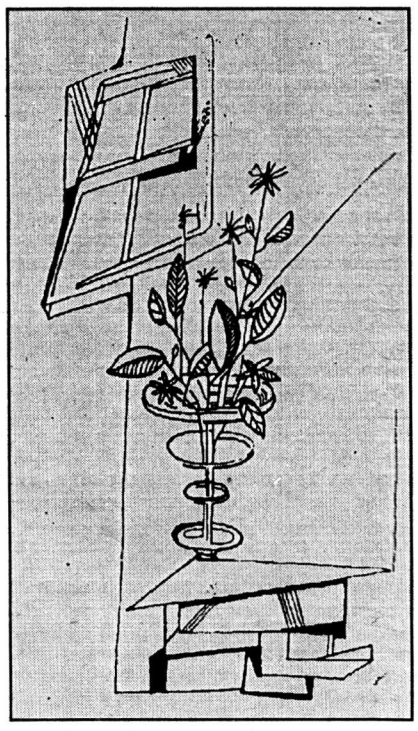
И души умерших людей
Из тел задубевших выламывал,
И дьявол, известный злодей,
Невинного Бога обманывал.

Рассвет, словно откуп от сна,
И веру убил, и видения.
Мой крест — тень от рамы окна.
И ни торжества, ни рождения.

* * *

Что же. Видимо, все.
Подвожу, подбиваю итоги:
Километры дорог,
Кубометры прочитанных книг.
Светлый путь не обрел,
Позабыл про родные пороги
И Христа не распял,
И Иуды души не постиг.

В паутине секунд
Утопают последние звуки.
На холстах моих грунт
Живописней,
чем красочный слой.
И не держат копье,
Опустились усталые руки.
И хоть вечно в пути,
Никого за собой не повел.



В почерневший закат
Уплывают пустые перроны.
Ставит точку луна
В окончанье нелепой судьбы.
И не слышно, как ржут
Подо мною убитые кони,
И в турнирах не я
Разбиваю и судьбы, и лбы.

Что же. Видимо, все.
Без меня продолжается время.
На остывшей земле
Не оставил пустого следа.
Годы — замкнутый круг —
Завершили бездарную тему,
И в душе, как свинец,
Пустоту заполняет беда.

Потаскуха-молва
По закону сомнительных правил
Подытожит грехи,
Как привычно лукавый пророк:
Не взошел на костер,
Подлеца покраснеть не заставил.
И не дал мне Господь
Напоследок нажать на курок.

* * *

Нелепый жизненный виток.
В итоге — вечное «ничто».
Земля всеядна, как притон,
Глас Бога — сладострастный стон.
И капля, влитая в стакан,
Не отражает океан.
Сон-смерть с убитою мечтой.
Аз есьм — один из тех «ничто».

* * *

Куда же деваться, живем,
как умеем.
О чем-то грустим,
не взрослея, стареем.
Кричим и молчим,
обиваем пороги,
Теряем случайных людей
и дороги.
Набат не тревожит
уснувшую совесть,
И тянется жизни
бездарная повесть.
О вечном и лучшем
унылые споры,
Беззвучные песни,
без слов разговоры.
И смотрят безглазо,
смешны и убоги,
С раскрашенных досок
нелепые боги.

* * *

Благодарная синь
По серебряным зеркальцам лужиц,
Как по клавишам дня,
Пробежала прозрачным дождем.
Высшей тайной земли —
В теплых листьях рожденье
жемчужин,
И плывут облака
Никому не известным путем.
Подставляю ладонь,
Беспределья губами касаюсь,
Словно утренний сон,
Как снежинку в ладонях щадя.
Вечен счастья цветок.
И пусть кто-то тебе нанизает
На незримую нить
Ожерелье из капель дождя.

* * *

В злое месиво бед
Мне укажут завистливо люди.
Их пустая тропа
Все равно никуда не ведет.
Бестолкова судьба,
Я не верю ни в рок и ни в судьбы,
Долгожданный закат
Заменяет унылый восход.

В пыльно-серых лучах
Неподвижною тушей творожной,
Сладострастно скосив
Оловянно-невидящий глаз,
Тупо смотрит со стен
Бесконечно пропитанный ложью,
Плохо сыгран, нелеп,
Смехотворный распятия фарс.

Маникюрно крестясь,
Лицемерный народ совершает
Поцелуйный обряд
У парада нечистых икон.
И в ничто, в пустоту
Улетает, ушей не касаясь,
Из-под грешных крестов
Равнодушных церквей перезвон.

Мимо храма тропа
Протянулась, меня принимая.
Под ущербной луной
Сколько надо я жил и грешил.
Пред богами не лгал,
Жил без бога, себя не ломая,
И на дюжину лет
Ненароком Христа пережил.

* * *

Судьба — лотерея.
Года — попугаи.
Закаты ползут за окном
и трамваи.
Вот утро с рассветом и солнце.
И снова
Протянешь дрожащие руки
к оковам.
Оковы приличья и моды,
и мненья
Нетленны и вечны,
как божье терпенье.
Идешь обходною тропою желаний
Походкой и грацией
раненой лани.
И вечный твой адрес —
Святая Елена.
Так стоит ли рваться
из этого плена?

* * *

Закатное солнце —
как рана Христа.
Сугробов бездомное стадо.
За пазухой камень,
в душе пустота,
В итоге — убогое «надо».

Себя подарить —
невелик сувенир.
На душу нет негоцианта.
Летит астероидом в гнусный эфир
Холодная глыба таланта.

Нелепый подарок.
В подарок — века.
Как вспышка –
мгновенная вечность.
В кармане зажата пустая рука,
И в том кулаке — бесконечность.

* * *

Спрятались окна в шторы.
Заперты двери.
Мало, кто верит людям. Я — верю.
Камнем на шее виснут
судьбы-роли.
Те, кто не так мыслит —
Муми-тролли.
Мозг до краев полон
мудрым бредом.
И для меня равно:
«умер», «предал».
Люди от молний гибнут,
не от грома.
В зеркале укоризной
лик фантома.
Мается пульс-трудяга,
но напрасно
Жилка его бьется сладострастно.
Странно, нелепо для тех,
посторонних,
Вдруг превращается круг
в треугольник...

* * *

Вспыхнул взгляд — и пропал,
Как в сугробах тоска.
Лишь в ушах перезвон
Дурака-родника.
Каждый день — солнца тень.
Без луны ночи нет.
Ни зари, ни заката,
И тьма — это свет.
Шаг по имени смерть.
Смерть смешна и проста.
И в ладони равны
Сажень, вечность, мечта.
В кулаке, словно дар,
Ощути пустоту.
Я маяк, я веду.
Только сам не иду.
Для меня все равно:
Пусть молчанье, пусть крик.
Я ничтожен, как космос,
как точка, велик.
Вязнут ноги во лжи.
Слов пустых грязный снег.
Может, стоит поверить,
Что я — человек?

* * *

С утра свежо. Росинками одета
Пока еще зеленая трава.
Сентябрь — осенний месяц.
Бабье лето
Вступает в чисто
женские права.

В желанный плен берут
нас паутинки,
В березе янтарями
желтый лист,
И облаков волшебные
картинки,
А воздух свеж и,
как росинка, чист.

Листают дни календарей
страницы,
А где-то в синей
глубине опять
Кричат о чем-то, улетая,
птицы,
И так им неохота улетать...

Раздроблен мир на радуги
крупицы,
И осень, словно фея
детских лет,
Наивно превращает
в лики лица
И дарит грустный
маленький секрет.

И в этот день среди
осенних красок
Явилась, словно тихая заря,
Девчонка с теплым именем
Наташа —
Нечаянный подарок сентября.

* * *

Вот ноябрь. Зима впереди.
Дышат дымом усталые трубы.
И в плаще неудобно идти,
И еще рановато для шубы.
Пятна снега на бурой траве,
Как обрывки письма на газоне.
Отлетались грачи в синеве.
Межсезонье...
Подо льдом черной тайной вода.
Листья — зябкого ветра огрехи.
И наивные корочки льда
Под ногами хрустят, как орехи.
И легко, словно рыбе в пруду.
Сердце что-то неясное просит.
Принимай меня, жизнь, я иду
Через осень.

* * *

А последний мой адрес —
могилы дыра,
Если я от тоски околею.
Вышел срок, дотянул,
наступила пора.
И уйду, ни о чем не жалея.

Свитер воротом шею
небритую трет.
Мозг зациклен на мерзком
и скучном.
Отпусти мою душу, забота забот,
В тину мыслей о хлебе насущном.

Ну, смакуйте:
«Для творчества быт
— как тюрьма!»
Да, художника просто обидеть.
И что вам до того,
что я вижу впотьмах
То, что вам днем с огнем
не увидеть.

* * *

Рыбачье счастье зыбко:
«Никак не ловится, стерва!»
Вдруг в сетке сверкнула рыбка,
Как банка из-под консервов.
«Чего тебе надобно, старче?» —
Зевая, рыбка спросила...
И вдруг всколыхнулась жарче
Моя молодая сила.
Швырнул я ее подальше
И плюнул вдогонку с мола.
«Какой же я, дура, старче?
Смотри — я здоров и молод!»
И врезался в жизнь тараном
От крови кипящей пьяный.
И водку глушил стаканом,
И лихо крутил романы.
И вдруг, после двух стаканов,
Сказали мне сослуживцы:
«Свихнулся, дурак ты старый,
Какого шанса лишился!»

Рисунки автора.